

Максим Алюков

ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К ВОЙНЕ ИЛИ ОТ ВОЙНЫ К НАЦИОНАЛИЗМУ?

**Hall J. A., Malešević S. (eds.) (2013) Nationalism and War,
Cambridge: Cambridge University Press, 383p.
ISBN-13: 9781107034754**

Идея о связи войны и национализма прочно обосновалась как в академической, так и в общественной дискуссии благодаря тому трагическому опыту, которым богат XX в. Если слово «война» еще не так сильно ассоциируется с словом «национализм» (войны случаются по разным причинам, национализм будет лишь одной среди многих), то обратная связка уже прочно сложилась: Первая и Вторая мировая, конфликты в Восточной Европе, Юго-восточной Азии, Центральной Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке – подавляющее большинство из них имело и имеет националистический компонент. Поскольку последние несколько лет мы живем в мире, где эти категории получили второе рождение, их связь кажется очевидной. Независимо от того, называют ли происходящее в Украине (гражданской) войной, объясняют ли ее истоки действиями ультрарадикальных украинских националистов или империалистическими амбициями российского правительства, все наблюдатели и участники сходятся в одном: между национализмом и текущим вооруженным конфликтом существует неразрывная связь. Однако характер этой связи легко свести к упрощенным детерминистским схемам, гласящим, что национализм порождает войну или, наоборот, что война порождает национализм. Препятствий на пути к пониманию сложности и многомерности этой связи, на мой взгляд, несколько. С одной стороны, такие модели давно стали частью исторической памяти, а из нее переместились в повседневное политическое воображение. С другой – удобный сюжет для инструментализации в политической риторике. Наконец, это отсутствие до недавнего времени научной рефлексии по этому поводу.

Основы исследований национализма как отдельной дисциплины были заложены еще в 1960-х гг., именно тогда появляются фундаментальные работы Эрнеста Геллнера (Gellner 1964), Ганса Кона (Kohn 1967), Эли Кедури (Kedourie 1960), рассматривающие национализм как специфическую историческую формацию, а не как естественную часть человеческой жизни или «такие универсальные психологические процессы, как внутригрупповой фаворитизм или этноцентризм» (Р. 31). Примерно в это же время в работах Раймона Арона (Aron 1958, 1966) появляется усложненная социологическая

Максим Алюков – исследователь, Лаборатория публичной социологии (Центр независимых социологических исследований); докторант, факультет политических науки и социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. Электронная почта: malyukov@eu.spb.ru

оптика анализа, которая показывает, что, с одной стороны, война может быть объяснена только через взаимодействие внутренних политических и экономических процессов с международной конкуренцией, с другой – является не чем-то внешним и случайным, а неотъемлемой частью социальных процессов (Р. 33–34). Однако встретились эти две области относительно поздно – в конце 1980-х начале 1990-х гг. Именно тогда написаны знаменитые работы Чарльза Тилли (Tilly 1985, 1990) и Майкла Манна (Mann 1993), анализирующие связь между войной и национализмом.

Продолжению этой рефлексии и развенчанию линейных однонаправленных моделей вроде «национализм порождает войну» или «война порождает национализм» и посвящен сборник под редакцией Джона Холла и Сииши Малешевича «Национализм и война». Книга не оставляет ощущения механически собранных статей, каждая глава касается какого-либо важного и спорного вопроса. К примеру, пафос статьи Рэндалла Коллинза заключается в том, что образы преданных стране и умирающих за нацию граждан-солдат, порожденные Великой французской революцией, не имеют ничего общего с реальностью. Если национализм и имеет какое-то значение для войны, то проявляется оно в энтузиазме волонтеров, идущих на фронт, и граждан, готовых «затянуть пояса» ради победы; однако мотивы, заставляющие солдат гибнуть в бою, – это не идентификация с нацией, а лояльность своим боевым товарищам. Но часто случается, что и таковой не находится. Коллинз пишет, что главная проблема, которую решают военные технологи – это дилемма «конфронтационное напряжение/страх» (СТ/Fdilemma). В XVII в. ее решал плотный боевой порядок, который не давал солдату убежать с поля боя, сегодня – строгая система команд и логистики, удаленность войны от места жительства солдат и так далее. По сути анализ Коллинза представляет собой неявный выпад в сторону Андерсона, удивляющегося готовности умирать за абстракции, которую привнес в современность национализм (Anderson 1991: 7). В этом смысле военное дело начала XX в. мало чем отличается от войны XVII в.: национализм как таковой не вселил в солдат ни отваги, ни готовности к самопожертвованию.

Если национализм не является достаточно сильным стимулом, чтобы заставить сражаться и умирать за нацию, то, возможно, национальная идентичность обладает достаточной силой, чтобы хотя бы породить войну? Сегодня национализм часто представляется как радикальная и ксенофобская идеология, которая по определению способна порождать войны и конфликты. Усложнению этого представления, а также детализации отношений между национализмом и империями в принципе, также посвящена глава в книге. К примеру, статья Майкла Манна, одного из первых социологов, связавших исследования войны и национализма, посвящена роли национализма в Первой и Второй мировых войнах. Его тезис заключается в том, что как причину конфликта можно рассматривать только экстремальные формы немецкого и японского национализма во время Второй мировой войны, да и то благо-

даря тому, что они были «инфицированы фашизмом и радикальным милитаризмом» (Р. 572), а не по причине национализма как такового. Если же говорить о Первой мировой, то Манн утверждает, что из трех самых агрессивных режимов – России, Германии и Австро-Венгрии – два (Россия и Австро-Венгрия) боялись национализма. Да и в случае Германии большинство социальных групп – крестьяне, рабочие, средний класс, капиталисты – боялись и не хотели войны. Собственно инициаторами конфликта оказались политические и военные элиты, а также поддерживавшая их фракция среднего класса, которую Манн называет «национал-государственниками» (Р. 517–518). Остальные группы обладали неким повседневным «банальным национализмом» (Billig 1995), вкуче с агрессивной пропагандой он привел к тому, что население этих стран поддержало войну.

Таким образом, если говорить о европейских странах, то с определенными оговорками можно сказать, что связь все же существует. В целом книга скорее подтверждает «реалистические» и «культурные» теории, гласящие, что война порождает национализм, а не наоборот. С одной стороны, как Манн и Холл, так и многие другие исследователи в этом сборнике приходят к выводам, близким к теории Тилли. Жестом большого художника Тилли сводит три масштабных феномена – рождение территориального государства (Tilly 1989), современный тип протеста (Tilly 2004) и национализм (Tilly 1994) – к одному истоку: нововременному типу войны. Нововременная война качественно отличалась от предшествующих в первую очередь по масштабу. Она вовлекала гораздо больше людей, а также дорогостоящие типы вооружения – тяжелую кавалерию, артиллерию, осадные орудия. Для того чтобы заплатить за все это дорогостоящее вооружение, необходимы были большие деньги, а единственным способом их получить был сбор налогов с больших территорий. Для того чтобы собирать такие налоги, необходимо было убедить людей, проживающих на этой территории, что они являются единым организмом, и война затрагивает их коллективный интерес. Механизмом, который выполняет такую функцию, стало национальное государство, а его венцом – национализм. Таким образом, по мысли Тилли, процесс развития нововременной войны породил нововременное государство и национализм (Tilly 1994). Государства вынуждены были принимать форму территориальных и национальных. Они вынуждены перенимать наиболее эффективные формы, чтобы выжить.

Книга следует «культурным теориям» национализма Энтони Смита (Smith 1999, 2003) и Джона Хатчинсона (Hutchinson 2005, 2007). Оба исследователя показывают, что, с одной стороны, война необходима, чтобы создать общие коллективные представления, трагический опыт и память, отсылки к которым будут определять содержание, форму и границы национальной идентичности, а в ее воплощенной форме – гражданство. С другой стороны, войны необходимы, чтобы заострить и мобилизовать существующие представления о себе и оппоненте. В каком-то смысле и Смит и Хатчинсон следуют духу одного

из центральных политических философов XX в. – Карла Шмитта, – который показывает, что осознание некой группой своей политической субъективности возможно только в ситуации конфликта и при столкновении с оппонентом (Schmitt 2007). Политическим субъектом в смысле Смита и Хатчинсона является нация, а эмпирическим референтом механизма производства этой нации через отсылки к опыту войны – памятники, парады, символы.

Кроме общей теоретической линии, направленной на доказательство того, что национализм скорее является продуктом военной политики, чем наоборот, авторы сборника так или иначе склоняются к тому, что связка национализма и войны – это также продукт более масштабных социальных, экономических и идеологических трансформаций. К примеру, Джеймс Хьюз в своем впечатляющем анализе конфликта в Северной Ирландии конца 1960-х начала 1970-х гг. показывает, что крен в сторону радикального национализма и насилия Ирландской республиканской армии был результатом реорганизации военной политики и технологий британской армии. Конфликт начался с контрмобилизации протестантов, поддержанных местной полицией, против ирландцев-католиков, требующих расширения политического участия и конституционных прав. Он убедительно доказывает, что официальная «юнионистская» интерпретация, гласящая, что ИРА радикализовала ирландское движение за гражданские права, приведя к столкновениям с армией, имеет мало общего с реальностью. На самом деле в 1969 г. солдаты были приняты католиками как сила, которая может защитить их от насилия протестантов: их пускали в дома, пабы и на мессы, а журналисты прозвали эту ситуацию «медовым месяцем» армии и католиков (Р. 322). Сама ИРА переживала сдвиг от традиции насилия к доктрине «моральной силы», а также все больше ориентировалась на модель прогрессивной марксистской партии, основанной на низовых социальных движениях. Однако новая политика безопасности, реорганизованная по модели британского военного теоретика Фрэнка Китсона, вкуче с технологиями, выработанными в течение «малых войн», превратила миротворческую акцию в настоящую оккупацию: католиков обыскивали, задерживали на неопределенный срок, города обросли блокпостами. Вплоть до 1972 г. ИРА отвечала на секьюритизацию «моральной силой», и только через три года перешла к открытому насилию, представленному в националистической форме.

Если в случае рассматриваемым Хьюзом, национализм и насилие являются в контексте секьюритизации, то Синиша Малешевич в исследовании становления государств на Балканах показывает, что национализм – это продукт диалектики двух других факторов: процесса «кумулятивной бюрократизации насилия» и «центробежной идеологизации» (Р. 263). Малешевич демонстрирует, что на Балканах национализм стал идеологическим коррелятом растущей огромными темпами централизованной бюрократии в XIX и начале XX вв.

В целом эти, а также некоторые другие исследования, описанные в книге, двигаются скорее в русле теории, разработанной Геллнером в том смысле, что они подчеркивают роль масштабных социальных и политических процессов, ведущих к формированию национализма. В своей классической работе «Нации и национализм» Геллнер по сути показывает, что национализм – это необходимое следствие определенного разделения труда, сложившегося при капитализме. Бурное развитие капитализма и современных технологий ведет к повышенной мобильности, а в ситуации этой мобильности люди, с которыми человек взаимодействует и работает на протяжении жизни, обладают очень разными социальными характеристиками. Следовательно, при отсутствии какого-то минимального общего фона и языка взаимодействие оказалось бы невозможным и капиталистическая машина просто не смогла бы работать. Ключ к решению – это «экзосоциализация», то есть социализация в общих централизованных институтах в противовес местному и локальному знанию. Эта стандартизация и гомогенность общей культуры – есть один из ключевых элементов, ведущих к формированию национализма (Gellner 1983).

Книга «Национализм и война» представляет собой оригинальный сборник, который делает связь национализма и войны многомерной и чрезвычайно сложной. Но следует отметить ее структуралистский характер: эта связь часто сводится авторами к сложным политическим, экономическим и идеологическим процессам, не оставляя пространства для маневра, того, что в социологии называется *agency*. Авторы часто следуют перспективе *longue durée* («длительная временная протяженность»), однако в этом случае игнорируются политические и социальные субъекты, пользующиеся возможностями, которые заданы структурами. Для контраста можно вспомнить интерпретацию Великой французской революции Уильямом Сьюэллом, который показывает, как гражданская идентичность, которая оформила новую коллективную единицу – французский народ – была фактически изобретена в публичных дебатах после взятия Бастилии. Она артикулировалась, записывалась, захватывала протестующих, а затем стала основанием для нового порядка. Сьюэлл подчеркивает ее рукотворный характер – она как будто бы производилась *ex nihilo* самими восставшими (Sewell 1996). Это то, чего не хватает в сборнике Холла и Малешевича, при чтении которого все время хочется смягчить «структуралистский» крен *longue durée* живыми людьми и их деятельностью.

Другой недостаток – это неамбициозный характер замысла. Авторы не претендуют на создание «большой теории» национализма и войны; масштабное политическое воображение Андерсона, Геллнера, Арона или Тилли – это не про сборник Холла и Малешевича. Эта работа скорее посвящена уточнению «большой теории», наполнению ее богатым эмпирическим материалом, наконец, разоблачению мифов, упрощенных представлений, спекуляций. Вступая в диалог с Тилли, Геллнером и другими теоретиками, авторы делают их теории объемными и обнаруживают места, где они дают сбой. В тоже время книга не претендует на новое слово в метанарративе о войне и национализме.

Maxim Alyukov

FROM NATIONALISM TO WAR OR FROM WAR TO NATIONALISM?

**Hall J.A., Malešević S. (eds.) (2013) *Nationalism and War*,
Cambridge: Cambridge University Press, 383p.
ISBN-13: 9781107034754**

References

- Anderson B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, New York: Verso.
- Aron R. (1958) *War and Industrial Society*, Oxford: Oxford University Press.
- Aron R. (1966) *Peace and War: A Theory of International Relations*, Garden City, New York: Doubleday.
- Billig M. (1995) *Banal Nationalism*, London: Sage.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Gellner E. (1964) *Thought and Change*, London: Weidenfeld and Nicolson.
- Hutchinson J. (2005) *Nations as Zones of Conflict*, London: Sage.
- Hutchinson J. (2007) Warfare, Remembrance and National Identity. A. Leoussi, S. Crosby (eds.) *Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Kedourie E. (1960) *Nationalism*, London: Hutchinson.
- Kohn H. (1967) *The Idea of Nationalism*, New York: Collier-Macmillan.
- Mann M. (1993) *The Sources of Social Power. Vol. II. The Rise of Classes and Nation-States*, New York: Cambridge University Press.
- Schmitt C. (2007) *The Concept of the Political*, Chicago: University of Chicago Press.
- Sewell W. (1996) Historical Events as Transformations of Structures: Inventing Revolution at the Bastille. *Theory and Society*, (25): 841–881.
- Smith A. (1999) *Myths and Memories of the Nations*, Oxford: Oxford University Press.
- Smith A. (2003) *Chosen People: Sacred Sources of National Identity*, Oxford: Oxford University Press.
- Tilly C. (1985). War Making and State Making as Organized Crime In Evans P., Rueschemeyer D., and T. Skocpol (eds) *Bringing the State Back In*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilly C. (1989) Cities and States in Europe, 1000–1800. *Theory and Society*, 18 (3): 563–584.
- Tilly C. (1990) *Coercion, Capital and European States: AD 990–1990*, Oxford: Blackwell.
- Tilly C. (1994) States and Nationalism in Europe, 1492–1992. *Theory and Society*, 23 (1): 131–146.
- Tilly C. (2004) *Social Movements, 1768–2004*, Boulder: Paradigm Publishers.

Maxim Alyukov – researcher with Public Sociology Laboratory (Centre for Independent Social Research) and a doctoral student at the European University at St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: malyukov@eu.spb.ru